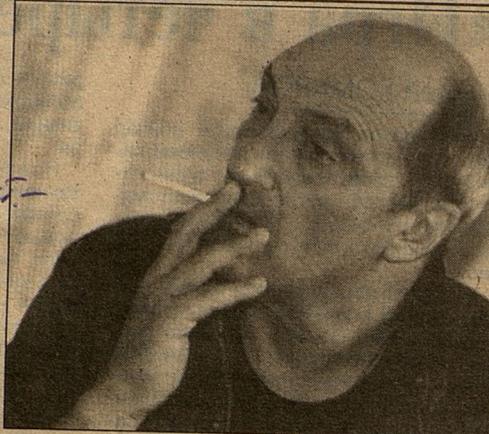

Михаил Козаков. Из актерской книги «Володя»

Михаил Козаков, знаменитый наш актер, так неожиданно уехавший в Израиль (и, кажется, теперь вернувшийся), написал ни на что не похожую книгу — воспоминания, размышления, исповедь. Ее назвали — «Актерская книга». И издательство ВАГРИУС выпускает ее в свет. Сегодня для читателей «Вечерки» — отрывок из этой книги.

Ульпан

Восм. Москва — 1996 — 6 сент. — С. 6.

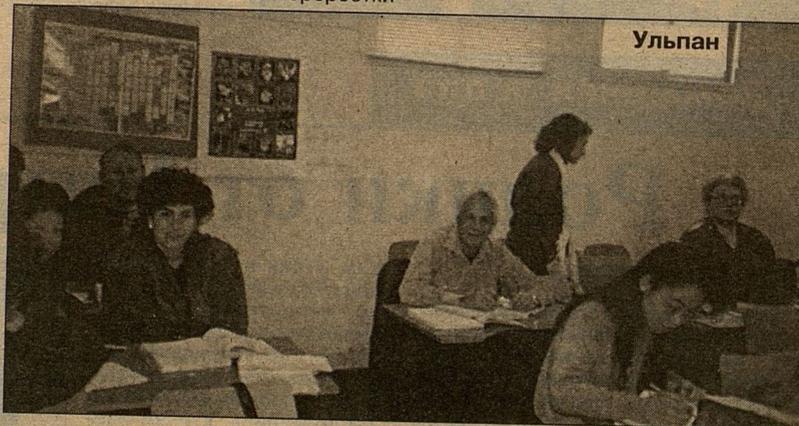
А дни стояли тогда и впрямь Божьи. Шел Песах — еврейская Пасха. Доносилось пение из соседней синагоги, и я сидел на балконе нашего пентхауса и, несмотря на все религиозные запреты, с упоением работал. Да и работал ли я? Можно ли назвать работой то, чем я занимался? Работа — это сидеть в ульпане и долбить иврит, чесать концерты, зарабатывая бабки для семьи по городам и весям, как той, необъятной, так и иной, величиной с подмосковный уезд. («Что будете делать завтра?» — «Осматривать Израиль», — «Ну это понятно. А после обеда?») Работать — это выдавать на-гора уголь, строить дома, озеленять пустыню, сажать деревья, на худой конец — играть на сцене «Чайку» на иврите. А мои писания — не работа. Хобби. Кейф, кайф. Кеф, как произносят это слово на иврите. Бегство в себя от себя самого и того, что окружает в действительности и наяву.

Побегу очень способствует отрадное похмелье, «осенней стужи друг» помогает, как выяснилось, и весной. Главное — не перебрать раньше времени. Вот ближе к ночи, когда уже отмарал страниц десять — пятнадцать, с чувством законной гордости можно приступить к возлияниям.

Мой театр и ульпан, где я уже грыз гранит науки, долбал «хибру» в компании еще сорока таких же, как я, олим хадашим, в Песах, слава Богу, закрыты. И несколько пасхальных дней я, презираемый моими близкими, расслаблялся. Пил и вспоминал, марал бумагу и пил. Однажды утром я не услышал звуков синагогального пения. Праздники закончились.

Ульпан. В восемь утра в классе сидят 30—40 взрослых людей, чуть не сказал: разных национальностей. Национальность как бы одна, но люди, безусловно, разные: полный смешливый господин, похожий на актера Филиппа Нуаре — из Прованса; жгучая брюнетка, которая усердно перекатывает все с классной доски в свою тетрадь, молчит даже во время переменок и злит

на русских, которые достают учительницу постоянными вопросами, — из Аргентины. Клерку-америкашке легче: наша «мора» — учительница — знает английский, и они легко находят контакт. Среди великовозрастных учеников, сидящих за партами, как послушные школьники, попадаются и другие, знающие английский. А вот что делать тем, которые знают только русский или туркменский? Ведь наша мора ведет уроки исключительно на хибре. И не только наша. Таковы правила во всех израильских ульпанах. Исключений не бывает: умри — но пойми, что тебе толкуывает учительница! И она старается, как может. Это какой-то полугипнотический сеанс — все средству хороши, лишь бы эти переростки

схватили суть и хоть что-нибудь запомнили. Мора пританцовывает, бьет в ладоши... Не урок — пантомима. Мел в ее руках, словно белая птичка, порхает по доске, «рыболовных крючков» и знаков прибавляется, прибавляется, в глазах рябит, пальцы, отвыкшие держать перо, деревенеют, глаза слипаются, голова не работает. Боже, когда же переменка?!

Высыпаем на переменку, пьем кофе, курум во дворе. Все почему-то друг с другом на «ты» — в иврите, как и в английском, нет «вы». Наш русский оле извлекает из вновь изучаемого языка имена это

правило и охотно переносит и использует его в родной русской речи.

— Миша, ты понял, чего она там в конце урока про прошедшее время объясняла? — достает меня вопросами словоохотливая парикмахерша Соня из Ростова-на-Дону, которая по возрасту годится мне в дочки. — Ты извини, что я на «ты», тут все так. Так что она там натараторила, Михаил?

Я пытаюсь, как могу, объяснить Соне из Ростова то немногое, что сам с трудом понял.

Меня окружают наши олимпы. Они все еще не могут привыкнуть, что в их классе сидит известный молодой актер, которого раньше у себя в Полтаве или Бендерах они видели

исключительно по телеку. Его-то в Израиль каким ветром задудло, чего ему в его Москве не доставало? Небось, и машина, и дача...

— Миша, когда я еще в школе в пятом классе училась, мы с девчатами после «Амфибии» все спорили: кто красивей — ты или Коренев. Я тогда за тебя была. Наверное, чувствовала, что ты тоже еврей. А что Вертинская, сейчас в Париже живет? Я тут в русских газетах читала...

— Между прочим, мне лично Ельцин нравится меньше, чем Руцкой, — басит кто-то.

— А у Руцкой мать — еврейка. Он

сам в интервью тут намекал. И в кипе у Стены Плача сфотографировался. Сама в газетах снимок видела.

— Политика это все. Когда они сюда приезжают, они все евреев любят, а там...

— Ну зачем ты, Саша? Я, между прочим, сама русская. У меня только муж еврей!

— Михаил Михайлович, извините, — обращается ко мне какая-то дама, скорее всего, моя ровесница. — А вы тут только на иврите будете играть или можно рассчитывать на спектакли и по-русски? Мы с мужем — москвичи, старые театралы. Помним вас в охлопковском «Гамлете», и «Двое на качелях» в «Современнике» помним. Бедный Евстигнеев! Как это с ним произошло?

— Миша, кто ставил по телеку пьесу про евреев, где ты врача играл? Мы ее поглядели и твердо решили отваливать!

Речь шла о пьесе Артура Миллера «Случай в Виши», где я действительно играл врача-психиатра в телеспектакле, который сам и поставил. «Виши» часто вспоминают новые израильтяне в связи со своим решением отвалить на историческую родину. Стало быть, добавил я абсорбированных своей постановкой, увеличил население Израйля на какой-то малый процент.

— Товарищи, дайте артисту отдохнуть! Устроили, понимаешь, творческую встречу! Миш, ты с них шекели бери! Бэсэдер? — и все весело смеются. Смеюсь и я — куда денешься?

И снова «рыболовные крючки» мелом, и повторение хором новых слов, и дурацкие вопросы к морю, и запись домашнего задания «со страницы 135 по страницу 144». Значит, еще и дома надо часа два три помучиться над этой китайской грамотой. Наши пальчики устали, мы читали, мы писали... Ох, как же устали наши пальчики, наши бедные головки! Как болит поясница, а главное, душенька болит, нет ей, душеньке, покоя. Нет ей веселья и радости почему-то.

Бреду с ранцем домой жаркими улицами Тель-Авива, на витрины уже не смотрю, спрягаю на ходу глагол «ходить» — «лялехет». «Ани олах, ат олехет, ананху олим, хем олхот». «Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь, мы идем, пока врем, они идут, пока врут...»

— Михаил, извини, что отвлекаю, ты видел вчера по телеку, как Валентин Гафт в новом фильме играл? Класс! Не видел? Посмотри, его, наверно, еще повторят! — догнал меня мой сосед по парте и построился прогуляться со мной до ближайшей автобусной остановки.

Да, хотел бы я посмотреть на Гафта или Квашу в моих предлагаемых обстоятельствах, в моем израильском телесериале. Но они-то в нем отказались играть, даже и не собирались! Умные, бля!